

шбд

0-497624

На правах рукописи

Барбашин Максим Юрьевич

**Воспроизводство этногенеза в локальных сообществах:
теоретическая модель и российские институциональные практики**

22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук**

Ростов-на-Дону – 2012

Работа выполнена в ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»

Научный консультант:

Волков Юрий Григорьевич
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты:

Гурба Владимир Николаевич
доктор социологических наук; заместитель Полномочного Представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе

Денисова Галина Сергеевна
доктор социологических наук, профессор; Педагогического института ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»; заведующий кафедрой социальных коммуникаций и технологий

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000741352

Зииченко Геннадий Павлович

доктор философских наук, профессор; ФГБОО ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Южно-Российский институт – филиал; заведующий кафедрой социологии

Ведущая организация:

Дагестанский научный центр Российской академии наук

Защита состоится «5» октября 2012 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам в ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан «24» августа 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А. В. Верещагина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Для большинства постсоветских государств, включая современную Россию, особую актуальность представляют институциональные задачи по конструированию устойчивой национальной государственности. Их решение осложняется не только незавершенностью экономических, культурных и политических транзаций, но и неопределенностью, сложностью и многогранностью этногенезисных процессов в трансформационном социально-политическом пространстве.

Нет никаких значимых социальных признаков «исчезновения этничности» в современном обществе. На Юге России в 1990-е гг. процессы этногенеза стали важной социальной доминантой, которая во многом влияла на социально-политические и модернизационные процессы посредством рэтнизации практически всех прежде внеэтнических сфер общественной жизни.

Любые институциональные проекты, региональные и федеральные реформы в сфере образования, управления, культуры или социального обеспечения обычно обвиняются либо в недооценке, либо в переоценке роли этничности. Особенностью возникающих при этом споров является их повышенная идеологизированность: одни эксперты выступают как сторонники предельного ослабления государственного контроля над процессами этногенеза, что реализуется в виде концепций «гражданской нации» и «отмирания этничности», другие стремятся искусственно стимулировать этногенез в виде поддержки политических движений этнорелигиозного или национального возрождения. Но в целом дискуссия движется в русле инструменталистского обсуждения количества финансовых и социальных ресурсов, необходимых для манипулирования этногенезом, а институциональные аспекты этногенеза в рамках отдельных

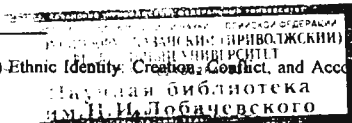
локальных сообществ практически не изучаются.

Недостаточное внимание со стороны социальных ученых и управленческих элит к вопросам этногенеза может привести к ошибочным и непродуманным социально-политическим решениям, а в некоторых случаях – и к деформации социально-политического пространства, возрастанию этнофрагментации и этнорадикализации.

Амбивалентизация ценностных основ современного общества и сильная дезинтеграционная реакция в общественном сознании в виде актуализации локальных этноидентичностей заставляют отказаться от детерминистского и позитивистского отношения к восприятию индивидом собственной идентичности, поэтому социологическая задача в изучении идентичности при постановке вопроса «кто я?» часто смешается в область вопроса «кто я по-настоящему?»¹. Принятие индивидом этноидентичности часто связано с проблемой общего социально-психологического самочувствия в современном мире, в котором существенную структурную деформацию претерпевают институты, регулирующие поведение в рамках этнолокальных сообществ. Проблема распада этноинститутов – это также проблема распада этнокультуры и традиционной этносреды. В результате человек сталкивается с выбором, описанным Р. Мертоном, – приспособиться к нормам локального социума или постараться изменить их, согласиться с существующими образцами поведения или путем социального творчества «изобрести» новые этноинституты, следуя радикальным лозунгам и националистическим призывам.

Для успешного проведения модернизационных реформ, провозглашенных государственными властями, необходимо адекватное понимание не только социальной роли и значения этногенеза как такового, но и социальной специфики процессов институционального

¹ Romanucci-Ross L., DeVos G. (ed.) *Ethnic Identity, Creation, Conflict, and Accommodation*. Third Edition. London: Sage, 1995. P. 71.

воспроизводства. Это тем более актуально в период роста интереса социальных ученых к институциональному развитию государства в целом и его отдельных регионов. Неоинституционализм в социальных науках в России становится одним из магистральных методологических направлений.

Для элиминации радикальных социально-политических тенденций как в России в целом, так и на Юге России в частности необходим системный и всесторонний социологический анализ процессов этногенеза в локальных сообществах. Учитывая важность понимания институционального воспроизводства процессов этногенеза для социального знания и социально-политической практики в российских условиях, с целью создания надежных социальных мер превентивного практического воздействия против распространения этносепаратизма и этнорелигиозного экстремизма имеет смысл восполнить существующие в социальных науках пробелы.

Степень научной разработанности темы. Проблема исследования этногенеза в локальных сообществах носит междисциплинарный характер и находится в центре внимания этнологии, социальной антропологии, социологии этничности, конфликтологии и этнополитологии.

Процессы этногенеза по-разному исследуют в рамках основных социологических направлений. Социальные исследователи, придерживающиеся методологических позиций конструктивизма (В. Воронков², М.Н. Губогло³, А.А. Кулагин⁴, В.А. Тишков⁵, В.А. Шнирельман⁶ и др.), считают, что этногенез является социальным

² Воронков В., Освальд И. Введение. Постсоветская этничность // Конструирование этнической общины Санкт-Петербурга. СПб: Дмитрий Буланин 1998. С. 7.

³ Губогло М.Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003.

⁴ Кулагин А.А. Этническая и религиозная идентификация дружеской общины // Исторический журнал – научные исследования 2012 № 1.

⁵ Тишков В.А. Российский народ как европейская нация и его евразийская миссия // Политический класс. 2005. 5 мая.

⁶ Шнирельман В.А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская

процессом, обладающим мобилизующим социально-политическим содержанием. Работая в общем методологическом русле советской школы изучения этногенеза, созданной Ю. Бромлеем, ученые рассматривают этногенезисные процессы как сконструированные этническими лидерами, элитами и интеллектуалами социально-политические процессы, которые носят идеологический характер.

В работах Ф. Барта⁷, С.В. Лурье⁸, Б.Б. Нимаевой⁹, Л.Р. Низамовой¹⁰, Б.Б. Ортобаева¹¹, Е.А. Попова¹² и др. рассматриваются методологические возможности применения инструменталистского подхода, социологический анализ в котором нацелен на изучение программно-целевого и/или функционального содержания этногенезисных процессов. Инструменталисты подчеркивают не только важность социальных функций в этногенезе. Исследуя социально-функциональный контекст, на фоне которого происходит этногенез, они указывают на особенности функционального применения институтов этничности в социально-политической сфере.

Противоположной точки зрения относительно процессов этногенеза придерживаются сторонники примордиализма, исходя из приоритета биологического компонента в этносоциальных генезисных процессах. Наиболее последовательным воплощением биологической направленности примордиализма являются этногенетические и мимические¹³ направления, которые в соединении с нейробиологией и нейрогенетикой иногда

национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3.

⁷ Барт Ф. Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. М: Новое издательство. 2006.

⁸ Лурье С.В. Историческая этнология. М: Аспект Пресс. 1998.

⁹ Нимаева Б.Б. Молодежь Аги – репертуар идентичностей в современном социокультурном контексте // Политика и право. 2011. № 9. С. 75 – 81.

¹⁰ Низамова Л.Р. Сложносоставная концепция современной этничности: пределы и возможности теоретического синтеза // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 1. С. 141 – 159.

¹¹ Ортобаева Б.Б. Эпистемологический анализ этносоциологии // Социология в системе научного управления: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М: ИС РАН, 2012.

¹² Попов Е.А. Этническая идентификация в обществе посредством языка // Политика и общество. 2012. № 3.

¹³ Докинз Р. Расширенный фенотип. Длинная рука гена. М: Астрель. 2010.

называют «нейрофеноменологией»¹⁴.

Западные примордиалисты (и в этом они отличаются от российских коллег¹⁵) не утверждают, что предмет их изучения «вечен», они указывают на важность общего генетического прошлого и «генетических дистанций»¹⁶ при межэтнических контактах между автохтонными народами.

Хотя в биологическом варианте примордиализма социальные исследователи подчеркивают такие особенности процессов этногенеза, как следование этносообществ инстинктам непотизма, биологического выживания и приумножения генного разнообразия, один из основателей современного примордиализма Э. Шилз¹⁷ указывает, что примордиализм должен анализировать перцепции примордиальных уз, а не «данности».

Примордиалисты не рассматривают фактическую «историю крови» этногруппы и подтвержденные этнокультурные связи, хотя и утверждают, что их перцепции определяют поведение этногрупп. Поскольку «люди не способны узнавать в других родственные гены»¹⁸, категоризации этносхожести основываются на контекстуально-зависимых социальных параметрах и вопросах эмоционального восприятия. Как пишет К. Гирци, сила примордиальных чувств берет свое начало в «нерациональных проявлениях «личности»¹⁹.

Отдельным примордиальным направлением является «географический примордиализм», подчеркивающий роль географической среды в этногенезе (в частности, в рамках концепции «геополиномики»²⁰).

¹⁴ Varela F. Neurophenomenology: A Methodological Remedy for the Hard Problem // *Journal of Consciousness Studies* 1996. № 4. P. 330 – 349.

¹⁵ Болотоков В.Х. Генетическая информация и национальный генотип // В поисках парадигмы нации. М.: Наука, 1997. С. 214.

¹⁶ Cavalli-Sforza L.L. *Genes, Peoples, and Languages*. New York: North Point Press, 2000.

¹⁷ Shils E. Primordial, Personal, Sacred, and Civil Ties // *British Journal of Sociology*. 1957. № 8. P. 130.

¹⁸ Gil-White F.J. How thick is Blood? // *Ethnic and Racial Studies*. 1999. № 22(5). P. 789 – 820.

¹⁹ Гирци К. *Интерпретация культур*. М.: РОССПЭН, 2004. С. 128.

²⁰ См.: Kazi A.A. *Ethnicity and Education in Nation-Building: Case of Pakistan*. Lanham, Maryland: University Press of America, 1987.

Общенаучное значение примордиализма по-прежнему велико: в частности, он послужил методологическим и идеологическим обоснованием ряда исследований в области этногенетики и медицинской антропологии. Однако примордиальное направление преувеличивает значение биологического фактора в этногенезисных процессах и недооценивает факторы социальной среды.

В социологической науке понятие «этногенез» окончательно утвердилось в 1960 – 1970-е гг., когда его связали с культурной и политической борьбой традиционных сообществ против «западного империализма».

Современные западные социологи²¹, применяя положения теории игр, исследуют этногенез как рациональный процесс осознанного выбора социально-политических субъектов.

Отдельные отечественные исследователи придерживаются информационного подхода (С.А. Арутюнов²², А.А. Сусоколов²³ и пр.), рассматривая этногенез как социальный процесс функционирования этничности в роли «информационного фильтра», необходимого для развития этносоциума.

Исследования в русле этносимволизма подчеркивают важность символических идентификационных аспектов в процессах этногенеза (А. Смит²⁴, Г. Хейл²⁵ и др.).

Взаимосвязь социально-этнических процессов этногенеза и этнодвижений как ключевых этногенезисных субъектов активно исследуется современными философами – как зарубежными, так и

²¹ Breton A., Galeotti, G., Salmon, P., Wintrobe R. (eds.) *Nationalism and Rationality* New York: Cambridge University Press, 1995.

²² Арутюнов С.А. Этногенез, его формы и закономерности // *Этнополитический вестник*. 1993. № 1.

²³ Сусоколов А.А. Структурные факторы самоорганизации этноса // *Расы и народы*. 1990. № 20. С. 5 – 39.

²⁴ Hutchinson J., Smith A.D. (ed.) *Ethnicity. Oxford readers* Oxford: Oxford University Press, 1996.

²⁵ Hale H.E. *Bashkortostan. The Logic of Ethnic Machine Politics and the Consolidation of Democracy* // Timothy J.C., Hough J.F. (eds.) *Growing Pains. Russian Democracy and the Election of 1993*. Washington, DC: The Brookings Institution, 1998.

российскими (Б. Андерсон²⁶, Э. Геллнер²⁷, Л.М. Дробижева²⁸, А.В. Лубский²⁹ и др.).

Современными российскими философами и социологами изучается роль этнодвижений и национальных организаций на Юге России в конструировании новых этноидентичностей и структурировании межнациональных отношений (В.А. Авксентьев³⁰, Г.С. Денисова³¹, З.А. Жаде³², И.М. Сампиев³³, Л.Л. Хоперская³⁴, Р.Д. Хунагов³⁵, А.А. Цуциев³⁶, А.Ю. Шадже³⁷, М.М. Шахбанова³⁸ и др.).

Проблема институционального воспроизводства этногенезисных процессов в локальных сообществах еще не подвергалась социологическому анализу. Она не разрешена в социологической литературе ни на глобальном, ни на общероссийском, ни на южнороссийском (региональном) уровнях.

Проведенный обзор четко показывает, что несмотря на хорошую теоретическую и эмпирическую проработанность отдельных аспектов этногенеза в локальных сообществах, системных и целостных

²⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М: Канон-пресс, 2001.

²⁷ Геллнер Э. От родства к этничности // Цивилизации. 1997. № 5.

²⁸ Дробижева Л.М. Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социологический журнал. 2006. № 3 - 4

²⁹ Дроч Г.В., Лубский А.В., Эфендиев Ф.С. Этнос. Культура. Цивилизация. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005.

³⁰ Матишин Г.Г., Авксентьев В.А., Битиев Л.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. III. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2008.

³¹ Денисова Г.С. Южнороссийская идентичность в условиях административного преобразования макрорегиона // Социология в системе научного управления: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М: ИС РАН, 2012.

³² Жаде З.А. Структура многоуровневой идентичности населения Республики Адыгея // Социология в системе научного управления: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М: ИС РАН, 2012.

³³ Сампиев И.М. Самоопределение народов: теория и онтология. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004.

³⁴ Хоперская Л.Л., Харченко В.А. Локальные межэтнические конфликты на Юге России: 2000 - 2005 гг. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2005.

³⁵ Хунагов Р.Д. Российская идентичность в современном северокавказском обществе // Социология в системе научного управления: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М: ИС РАН, 2012.

³⁶ Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774 - 2004). М: Европа, 2006.

³⁷ Шадже А.Ю. Сосуществование идентичностей на Северном Кавказе // Социология в системе научного управления: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М: ИС РАН, 2012.

³⁸ Шахбанова М.М. Этническая идентичность андо-цезской группы (по результатам социологического исследования) // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 6.

социологических работ, посвященных применению неинституциональной методологии, а также анализу институционального воспроизводства этногенеза и процессов институционального распада этноидентичности, недостаточно.

Целью данного диссертационного исследования является разработка социологической концепции и теоретической модели институционального воспроизводства этногенезисных процессов в локальных сообществах на основе российских институциональных практик. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие исследовательские задачи:

- проанализировать существующие социологические подходы к анализу этногенеза в локальных социальных сообществах и уточнить его социологическое содержание;

- выявить методологические и методические сложности социологического исследования этногенеза в локальных сообществах;

- разработать методологический конструкт социологического исследования этногенезисных процессов в локальных сообществах с учетом необходимости анализа институциональных аспектов этногенеза;

- определить структурные и конвенциональные основы институционального воспроизводства этногенеза в локальных сообществах;

- выявить социальное значение процессов этнодифференциации и этноинтеграции в институциональном воспроизводстве этногенеза в локальных сообществах;

- рассмотреть институциональный распад как этнодифференцирующий фактор воспроизводства этногенезисных социальных процессов в локальных сообществах;

- проанализировать социальные процессы институционального воспроизводства этногенеза в модернизирующемся российском социуме;

– исследовать институциональное воспроизводство и трансмиссию этноидентичности в этногенезисных процессах, происходящих в локальных российских сообществах;

– определить институциональный распад как этнодифференцирующий фактор воспроизводства этногенезисных социальных процессов в локальных российских сообществах;

– проанализировать процессы институционального воспроизводства этногенеза в традиционных локальных сообществах на Юге России;

– исследовать трансмиссию этноидентичности и институциональное воспроизводство этногенеза в локальных южнороссийских сообществах в условиях транзитивных социальных трансформаций;

– определить институциональный распад как этнодифференцирующий фактор воспроизводства этногенезисных социальных процессов в локальных сообществах на Юге России и предложить стратегии социальной стабилизации и институциональной консолидации регионального социума.

Объектом исследования выступают этногенезисные социальные процессы в условиях модернизационных этносоциальных трансформаций.

Предметом исследования является институциональное воспроизводство процессов этногенеза в локальных социальных сообществах.

Гипотеза исследования заключается в том, что для современного российского общества характерна активизация этногенезисных процессов, институциональное воспроизводство которых изучено недостаточно. Использование неинституционального анализа позволит рассматривать этногенез как социальные процессы воспроизводства и распада этноинститутов, сопровождаемые структурированием и ретрансформацией

субэтногрупп. Возникающие новые конфигурации этноинститутов как наборы этносоциальных правил, регулирующих доступ к диапазону социальных возможностей в локальном сообществе, образуются в ходе институционального распада общих этнонорм и функционируют в общественном дискурсе как альтернативные периферизированные и полупериферизированные институциональные исключения. В современной России и особенно в южнороссийском этносоциальном пространстве этноинституциональные процессы связаны с доминированием этнодифференциации в ущерб этноинтеграции. Этнодифференциация в виде институционального распада этноидентичности сопровождается утратой родного языка у членов этносообществ, особенно в среде молодежи, денативизацией этнолингвистического пространства в форме билингвизма и/или полилингвизма. Для элиминации негативных этносоциальных явлений необходима системная этноинституциональная политика на федеральном и региональном уровнях.

Методология исследования. Диссертационное исследование выполнено в русле неоклассической парадигмы социологического исследования, включающей современные подходы социологии институтов, этносоциологии, этнолингвистики, социальной лингвистики и социальной транзитологии.

Для изучения институциональных процессов использованы основные положения необихевиоризма, контрактарианизма и неоинституционализма, включая модель «методологического индивидуализма» Д. Норта³⁹.

Для построения социологической модели исследования автор опирается на теории рационального выбора К. Эрроу⁴⁰ и коллективных

³⁹ Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3.

⁴⁰ Эрроу К. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: ГУ-ВШЭ, 2004.

действий Э. Острома⁴¹, феноменологические концепции (включая «постулат адекватности») А. Шюца⁴², а также работы Р. Коллинза⁴³.

Для верификации разрабатываемых теоретических и методологических положений конкретными примерами этногенезисных процессов использовались кавказоведческие этнологические, антропологические и этносоциальные исследования Р.Г. Абдулатипова⁴⁴, В.А. Авксентьева⁴⁵, К.С. Гаджиева⁴⁶, М.Р. Гасанова⁴⁷, С.М. Маркедонова⁴⁸, В.А. Тишкова⁴⁹, Х.Г. Тхагапсоева⁵⁰, В.В. Черноуса⁵¹ и др.

В диссертации применены методы каузального анализа У. Уолтера⁵², неоинституциональный принцип социального изоморфизма, в соответствии с которым характер отношений между элементами одной социальной системы соответствуют характеру отношений между элементами других систем, функциональный и дескриптивный анализ в рамках неофункционализма, институциональное когнитивное моделирование и картографирование, микроинституциональный подход, метод аналитической индукции, т.е. всестороннее изучение ограниченного числа случаев для создания социологических обобщений, а также

⁴¹ *McGinnis M.* An Introduction to IAD and the Language of the Ostrom Workshop: A Simple Guide to a Complex Framework // *Policy Studies Journal*. 2011. № 39 (1). P. 169 – 183.

⁴² *Шюц А.* Избранное. Мир, светящийся смыслом / Пер. с англ. и нем. М.: РОССПЭН, 2004.

⁴³ *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 87.

⁴⁴ *Абдулатипов Р.Г.* Российская нация. Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях М: Новая книга, 2005.

⁴⁵ *Авксентьев В.А.* Северный Кавказ: реполитизация этничности и конфликтологические сценарии развития // *Обозреватель*. 2006. № 6. С. 19 – 20.

⁴⁶ *Гаджиев К.С.* Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011.

⁴⁷ *Гасанов М.Р.* Палеокавказская этническая общность и проблема происхождения народов Дагестана. Махачкала: Изд-во Дагестанского государственного педагогического института, 1994.

⁴⁸ *Маркедонюв С.М.* Этнонациональный и религиозный фактор в общественно-политической жизни кавказского региона. М.: Макс Пресс, 2005.

⁴⁹ *Тишкова В.А.* О феномене этничности // *Этнографическое обозрение*. 1997. № 3. С. 3 – 21

⁵⁰ *Тхагапсоев Х.* Страсти политологов по Кавказу // *Кабардино-Балкарская правда*. 2010. 6 февр.

⁵¹ *Черноус В.В.* Актуализация этноцентризма на рубеже первого десятилетия XXI века как следствие имитационной модернизации Северного Кавказа // Сборник материалов и докладов III Международной научно-практической конференции «Кавказ – наш общий дом» (29 сентября – 2 октября 2011, Ростов-на-Дону) / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Социально-гуманитарные знания, 2011. С. 25 – 30.

⁵² *DiMaggio P.J., Powell W.W.* Introduction // *The New Institutionalism in Organizational Analysis* / Ed. by W.W. Powell and P.J. DiMaggio. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 8.

функциональный, логический и дедуктивный подходы.

В качестве конкретно-социологических методов исследования применялись анкетный социологический опрос и глубинное экспертное интервью.

Эмпирическую основу исследования составили фактологические данные, собранные и обработанные в ходе соучастия автора в социологических исследованиях этногенезисных и этнократических процессов, протекающих как на региональном, так и на общенациональном уровнях, проведенных Центром системных и региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН, а также ЮРФИС РАН:

1. Глубинные экспертные интервью в рамках гранта РГНФ №07-03-00574а «Этнократии на Северном Кавказе: механизмы формирования и пути трансформации в региональную элиту». В 2007 г. во всех субъектах ЮФО было опрошено 26 ведущих региональных специалистов и чиновников по этносоциальной и этнократической проблематике.

2. Пилотажное социологическое обследование (выборка – 450 чел.) в рамках гранта РГНФ №07-03-00574а «Этнократии на Северном Кавказе: механизмы формирования и пути трансформации в региональную элиту» было проведено в 2008 г. в трех субъектах Российской Федерации (Республики Адыгея, Дагестан и Кабардино-Балкария) как территориальных сообществ, имеющих различную этнодемографическую структуру, с использованием методов опроса и индивидуального систематизированного интервью с респондентами 18 лет.

3. Количественное социологическое исследование (выборка – 1000 респондентов) в 4 субъектах Юга России (Ростовская область, Республики Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкария, Чечня), осуществленное в рамках исследовательского гранта Министерства регионального развития России на тему «Социологический мониторинг этнополитической

ситуации, межрелигиозной и межэтнической напряженности с учетом существующих рисков дестабилизации общественно-политической ситуации в четырех субъектах Южного федерального округа с интегрированными оценками и рекомендациями федеральным и региональным органам власти» (ноябрь – декабрь 2009 г.).

4. Региональный социологический опрос «20 лет реформ глазами жителей Ростовской области», проведенный Центром системных и региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ЮРФИС РАН (июль – август 2011 г., выборка – 1300 респондентов в г. Ростове-на-Дону, Таганроге, Азове, Новочеркасске и др.)⁵³.

5. Экспертный опрос с использованием метода полуструктурированного интервью среди ведущих ученых и академических специалистов по этнорегиональной и этносоциальной проблематике (г. Ростов-на-Дону, Пятигорск, Нижний Новгород, Казань, Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, Ставрополь, Улан-Удэ, Грозный и пр.), осуществленный в ноябре – декабре 2011 г. в рамках реализации научного проекта «Этногенез в локальных сообществах: неоинституциональный анализ» (МК – 4092.2010.6) при выполнении гранта Президента Российской Федерации в области общественных и гуманитарных наук 2010 – 2011 гг. по программе Государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук.

В диссертации использовались социологические данные «Левада-Центра»⁵⁴, СКАГС⁵⁵ и Института социологии РАН⁵⁶ по этносоциальным и этноидентификационным процессам.

⁵³ Двадцать лет реформ в России глазами жителей Ростовской области. Результаты социологического исследования, проведенного Южно-Российским филиалом Учреждения Российской академии наук Института социологии РАН. Ростов н/Д.: ЮРФИС РАН, 2011.

⁵⁴ Опросы «Российская идентичность», январь 2007 г. и май 2010 г., всероссийская выборка 1600 респондентов (www.levada.ru, Раздел «Архив. Российская идентичность»).

⁵⁵ Исследование социологической группы СКАГС «Региональной идентичности на Юге России», региональная выборка 900 респондентов, апрель – май 2009 г.

⁵⁶ Общероссийское социологическое исследование «Двадцать лет реформ глазами россиян», 1750 респондентов, апрель 2011 г.

Эмпирической основой исследования также послужили федеральные законы, указы Президента и другие нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы региональной политики в Южном федеральном и Северокавказском округах, а также этнографические и этнологические материалы российских и западных ученых, посвященные изучению повседневной этнолингвистической и этноконфессиональной практики осетин, турок-месхетинцев, цыган, хемшилов, ингилойцев, армян, курдов и др.

Автором диссертации активно использовались результаты Всероссийской переписи 2002 г.⁵⁷, а также предварительные данные Всероссийской переписи населения 2010 г.⁵⁸

Репрезентативная совокупность использованных социологических данных, проанализированных, обобщенных и социологически интерпретированных в соответствии с выбранной методологией, обеспечила достоверность результатов диссертационного исследования и аргументированную обоснованность практических рекомендаций.

Научная новизна исследования заключается в социологической разработке концепций этноинституционализма, а также институционального воспроизводства этногенеза, и применении их к анализу реальных социальных процессов этногенеза в российских локальных сообществах. В конкретно-содержательном плане приращение научного знания заключается в следующем:

– проанализированы существующие социологические теоретико-методологические подходы к анализу этноидентификационных процессов и уточнено социологическое содержание основных социологических направлений (примордиализм, конструктивизм, инструментализм, этносимволизм, информационный подход) в изучении этногенеза в

⁵⁷ Всероссийская перепись населения 2002 г.: В 14 т. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Т. 4.

⁵⁸ www.perepis-2010.ru (Доступ 06.05.2012, Раздел «Документы»).

локальных сообществах;

– выявлены основные методологические, эмпирические и методические проблемы социологического исследования этногенеза в полипарадигмальном и целостном аспектах, не позволяющие социологически анализировать этноинституциональные процессы, процессы институционального воспроизводства в локальных сообществах и институционального распада существующих этногрупп;

– разработан авторский методологический этноинституциональный конструкт социологического неинституционального исследования как набор методологических инструментов и концептов, связанных с анализом процессов трансформации, распада и реструктурирования этноинститутов и включающих принципы институционального изоморфизма, когда появляющиеся постоянно новые институты структурируются таким образом, чтобы они соответствовали формам господствующих бихевиоральных стандартов у других этногрупп;

– выявлены структурные и конвенциональные основы институционального воспроизводства этногенезисных процессов как социальных процессов воспроизводства и распада этноинститутов, сопровождаемых структурированием и ретрансформацией субэтногрупп, а также предложено авторское понимание этноинститутов как наборов этносоциальных правил, регулирующих доступ к диапазону социальных возможностей в локальном сообществе;

– определено социальное значение процессов этнодифференциации и этноинтеграции для институционального этногенезисного воспроизводства, которое заключается в санкционировании институциональных образцов нормативного этноповедения, обеспечении социального сцепления и секьюритизации локальных сообществ;

– впервые определен институциональный распад как постепенное расширение сферы применения этноправил и появление в общественном

дискуссе институциональных исключений в качестве ключевого этнодифференцирующего фактора воспроизводства этногенезисных социальных процессов в локальных сообществах;

– проанализированы социальные процессы институционального воспроизводства этногенеза в локальных сообществах в условиях доминирования процессов этнодифференциации по сравнению с процессами этноинтеграции в российском социуме;

– исследованы институциональные особенности трансмиссии этноидентичностей, включающие неустойчивость традиционных этноинститутов и их зависимость от политического, этнодемографического и этносоциального контекстов в условиях институционального воспроизводства этногенеза;

– определен институциональный распад как ключевой этнодифференцирующий фактор воспроизводства этногенезисных социальных процессов в локальных российских сообществах и показана значимость институционального распада во введении в общественный дискурс новых этнобихевиоральных девиаций и этносубгрупповых идентичностей;

– проанализированы социальные процессы институционального воспроизводства этногенеза в традиционных региональных сообществах на Юге России, находящихся в транзитивных посткризисных условиях, в виде доминирования процессов этнодифференциации на региональном уровне и институциональной слабости этноинтеграционных процессов;

– исследована южнороссийская специфика процессов институциональной трансмиссии этноидентичности в условиях доминирования процессов этнодифференциации в институциональном воспроизводстве этногенеза в локальных сообществах в рамках потенциально конфликтогенных транзитивных социально-политических, этнокультурных и этноконфессиональных трансформаций;

– определен институциональный распад как ключевой этнодифференцирующий фактор воспроизводства этногенезисных социальных процессов в локальных сообществах на Юге России, и на основе социологической систематизации существующего опыта взаимодействия органов государственной федеральной и региональной власти, национальных организаций, религиозных и этнических движений, а также этногрупп и сообществ мигрантов предложены стратегии социальной стабилизации и консолидации регионального социума, а также разработаны социальные рекомендации по предотвращению новых этногенезисных противоречий и разрешению существующих этноинституциональных конфликтов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Проблема этногенеза как процессов формирования, трансформации и распада этноидентичности в локальных сообществах носит междисциплинарный характер, и ее социологическое изучение характеризуется необходимостью соблюдения принципов системности, целостности и социального изоморфизма для полного исследовательского охвата этнокультурных, социально-биологических, инвариантно-географических, генетико-генеалогических и историко-социологических факторов развития этногенезисных процессов. Концептуализация существующих социологических подходов к анализу смыслового и социологического содержания этногенеза позволяет выделить примордиализм, конструктивизм и инструментализм на основе выбора исследователей в пользу социальной или биологической детерминированности в структурировании этноидентичности. Примордиализм соединяет в себе генетические, психологические, культурные и географические направления, изучающие внесоциальные факторы этногенеза, а также их роль в восприятии этничности и соотношении ее с ожидаемым или желаемым социальным поведением.

Основным методологическим недостатком конструктивизма и инструментализма является их неспособность объяснить системную устойчивость этноконструкций, поскольку этногенез рассматривается как результат идеологических и политических усилий социальных агентов, обладающих властью и формирующих значимую общественную повестку.

2. Основные социологические подходы в изучении этногенеза не являются оптимальной методологической основой для анализа этноинституциональных тенденций, процессов институционального воспроизводства в локальных сообществах и институционального распада существующих этногрупп. Современная социологическая наука нуждается в формировании нового полипарадигмального методологического конструкта в исследовании процессов институционального воспроизводства этногенеза в локальных сообществах, трансформации и распада этноинститутов как наборов социальных макроправил, регулирующих доступ к диапазону социальных возможностей в локальном социуме, и соответствующего системного и целостного методического инструментария по сбору валидных этносоциальных и этноинституциональных эмпирических данных.

3. Основные социологические подходы к анализу этногенеза в локальных сообществах не анализируют институциональное измерение этносоциальных и этногенезисных процессов, а также многоуровневую систему взаимодействия этноинститутов, интерпретации и реинтерпретации которых этносоциальными субъектами структурируют новые формы этноидентификации, в социально-субъектном и функциональном отношениях направленной на ресоциализационное преодоление чувства анонимности, маргинальности и дезориентации, которые порождаются индетерминантным и ламинальным характером современного общества. Социологическое изучение этногенеза должно включать в себя комплексное применение основных положений

неоинституционализма, а также разработанного авторского этноинституционального методологического конструкта. Этногенез происходит в локальных сообществах, которые представляют собой сепарированные в пространственно-топографическом отношении естественными или искусственными границами социальные образования, индивидуальные или коллективные социальные агенты которого обладают локальной идентичностью и реализуют большую часть социальных потребностей в его пределах. Ритуализация повседневного социального взаимодействия, а также общая ограниченность числа горизонтальных контактов в социальном пространстве образуют прямую взаимосвязь между соответствием поведения конкретного индивида институциональным ожиданиям сообщества и степенью его принятия или непринятия как полноправного члена и между степенью бихевиоральной девиантности индивида и его маргинализацией общественным сознанием.

4. Институциональное воспроизводство этногенеза – это процессы конституирования, распада и ретрансформации этноинститутов, которые носят как структурный, так и конвенциональный характер. Изменение институциональной конфигурации этносоциальной структуры и трансформация этнодемографических паттернов социального доминирования структурирует новые нормы, в соответствии с которыми решаются вопросы этноидентичности, этногруппового членства и групповой лояльности. Устойчивость социальных механизмов институционального воспроизводства этногенеза обеспечивается конвенциональным характером этногруппового взаимодействия, связанного с повторяемостью, локализованностью и предсказуемостью социальных дилемм и угроз нестабильности этносообществ. На разрешение социальных дилемм направлены этноинституты, предоставляющие этносоциальным агентам важную контекстуальную информацию о предсказуемости, последовательности и эффективности

институциональных стратегий. Этноинституты трансформируются, модифицируются, редактируются, транслируются и соединяются с другими нормами их носителей, которые пытаются диагностировать, интерпретировать и создавать новый смысл и образцы этнического поведения.

5. Этногенез в этносоциальном пространстве реализуется в виде одновременно происходящих процессов этнодифференциации и этноинтеграции, которые охватывают социально-культурную, социально-экономическую, символическую, языковую и институциональную сферу локальных сообществ. Этноинтеграционные процессы обеспечивают сохранение общей идентичности, поддержание институциональной трансмиссии и социального сцепления между этногруппами. В современном этносоциальном пространстве доминируют процессы этнодифференциации, которые имплементируются в форме институционального распада этносов на субэтногруппы.

6. Институциональный распад как ключевой этнодифференцирующий фактор воспроизводства этногенезисных социальных процессов в локальных сообществах означает социальное фрагментирование нормативных альтернатив как институциональных исключений, конкурирующих с этноинститутами в этнодискурсном пространстве. Новые этноинституты создают самоподдерживающуюся социально-психологическую и этнолингвистическую модель восприятия социума. Новая этничность появляется в момент интеракционной девиантизации институциональных исключений в общественном сознании, которые перестают восприниматься как нарушения общепризнанных норм в тот момент, когда существование институциональных исключений объясняется историческими и/или культурными причинами. Постепенное расширение области социального применения новых этноинститутов происходит до тех пор, пока смысловое

содержание самого исключения не становится рестриктивным.

7. Социальные процессы институционального воспроизводства этногенеза в транзитивном российском социуме связаны с доминированием процессов этнодифференциации. Институциональные особенности современной российской этнотрансмиссии определяются неустойчивостью традиционных этноинститутов, субстантивные границы между которыми не являются четкими, а зависят от политического, этнодемографического и этносоциального контекстов. В условиях неопределенности модернизационных социально-политических перспектив этноинституты используются этносоциальными субъектами для мобилизации локальных сообществ, достижения внутригруппового социального сцепления, сохранения внутригрупповой психологической стабильности и определенности, снижения остроты внутригрупповых конфликтов и создания согласованных коллективных обязательств, которые трансформируются в нормативные ожидания, кодексы этноповедения и этнотребования, предъявляемые к мигрантам и новым членам сообществ.

8. Инкрементальная трансмиссия этноидентичности в локальных российских сообществах происходит с помощью этнопредпринимателей, которые реинтерпретируют и/или ретрансформируют существующие этноинституты для достижения экономических и/или политических целей. Интерпретации этноинститутов активными этносоциальными субъектами дополняется обсуждениями существующих бихевиоральных норм и кодексов этноповедения, трансплантированных из других этнокультур этноинститутов, а также заимствованных из прошлого этносообщества бихевиоральных образцов в общественном дискурсе, электронных СМИ, национально-культурных автономиях и национальных движениях. Возникающие гибридные этноидентификационные конструкции становятся институциональной основой для дальнейшего этногенеза, за

которым следуют периоды рутинизации, прерываемые новым идентификационным реструктурированием.

9. Социальное значение институционального распада как ведущего этнодифференцирующего фактора воспроизводства этногенеза в российском обществе заключается в инвенции и легитимизации этнобихевиоральных девиаций в общественном дискурсе, когда институциональные различия между этногруппами идеологически оправдываются ссылками на культурные, исторические и примордиальные аргументы. Тем самым облегчается введение новых этнобихевиоральных девиаций и этносубгрупповых идентичностей в общественный дискурс в качестве равноценных прежним институциональным конструкциям. Санкционирование новых институциональных образцов и секьюритизация индивидуального или коллективного маргинального поведения в этноидентификационной сфере способствуют эндогенной этносоциализации, реструктурированию и рефункционализации существующих механизмов этносоциальной фильтрации и укреплению этносоциального сцепления общества.

10. Социальная специфика процессов институционального воспроизводства этногенеза в традиционных и автохтонных южнороссийских сообществах, находящихся в условиях неустойчивых модернизационных социально-экономических и социально-политических трансформаций, заключается в социально-психологическом неприятии общегражданских и общенациональных идентичностей. В региональном общественном дискурсе доминируют этнолокальные и этноконфессиональные идентификации. С начала 1990-х гг. происходит социально-политическая рационализация этноидентификационных предпочтений, ускорение этноинституциональной трансмиссии (в том числе с использованием современных электронных технологий) бихевиоральных образцов «идеального» этноповедения по сравнению с

советским периодом, а также постепенная детрадиционализация и структурная идентификационная периферизация самих сообществ.

11. Процессы институционального воспроизводства этногенеза на Юге России, а также процессы трансмиссии этноидентичностей зависят от степени актуализации в общественном сознании локальных сообществ значимых межгрупповых этноконфессиональных различий, сформировавшихся в ходе культурно-исторического и социально-политического развития региона. На основе активного развития и институциональной формализации субэтнических и субрегиональных диалектов (в том числе посредством увеличения государственного федерального и регионального бюджетного и внебюджетного финансирования этнокультуры, конструирования новых алфавитов и таргетированных вокабуляриев, поддержки соответствующих академических, исследовательских гуманитарных и образовательных структур и т.д.) происходит рефрагментация лингвистического и дискурсного пространства и структурирование новых субэтнических идентичностей. Процессы титульной дестигматизации на Юге России связаны с денативизацией этнолингвистического пространства в форме билингвизма или полилингвизма. Институциональный распад этноидентичности сопровождается утратой родного языка у членов этносообщества, особенно в среде молодежи.

12. Процессы институционального воспроизводства, а также институционального распада этногенеза в локальных сообществах на Юге России являются в социальном значении амбивалентными. Они могут послужить как фактором этносоциального развития, так и социальной причиной роста этноконфессиональных и конфликтогенных противоречий. В последние десятилетия конфликтогенное содержание этногенеза доминирует над его консолидирующим потенциалом. Социальная стабилизация регионального социума невозможна без системного и

многоуровневого институционального регулирования этногенезисных процессов, а также без рефлексивной этносоциальной и этноинституциональной политики, направленной как на развитие субэтногрупп и обеспечение условий их устойчивого и достойного языкового, политического, социального и культурного развития, так и на политическую и экономическую поддержку этноинтеграционных национальных и региональных проектов. При этом необходимо элиминировать используемые в 1990-е гг. манипулятивные и силовые социально-политические практики, способные придать процессам институционального воспроизводства этногенеза насильственный и интолерантный характер.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты диссертационной работы позволяют углубить теоретико-методологические знания в области социологии этногенеза, социологии институтов, социологии этничности, неинституционализма, этнополитологии и этнопсихологии, что может быть использовано в качестве методологического ориентира для дальнейших исследований в этих областях.

Практическая значимость работы заключается в разработке положений, методик и рекомендаций, обеспечивающих повышение эффективности и согласованности управленческих решений по устойчивому институциональному развитию этногрупп, разрешение межэтнических региональных проблем.

В диссертационном исследовании содержатся положения, способствующие анализу этногенезисных процессов, которые развивались на Юге России в постсоветский период, а также прогнозированию их будущей динамики. Оно может представлять практический интерес для органов административной, исполнительной и законодательной власти и управления регионального, окружного и федерального уровней для

выработки национальной и региональной политики.

Содержательная часть диссертационного исследования может быть использована в учебно-методической работе для разработки спецкурсов по регионоведению, этнологии, социологии институтов, этногенезу, неoinституционализму, теории социальной структуры.

Апробация исследования. Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры социологии, политологии и права Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет».

По теме диссертации были прочитаны лекции-коллоквиумы и проведены семинары в университетах Стэнфорда, Индианы и Вашингтона (Сиэтл), США, в апреле – мае 2007 и ноябре 2008.

Основные положения диссертации были отмечены всероссийскими и региональными научными наградами. Среди них основные: диплом победителя Всероссийского конкурса научных работ молодых культурологов за 2012 г., победа в конкурсе Совета по грантам Президента Российской Федерации в области общественных и гуманитарных наук 2010 – 2011 гг. на право получения грантов Президента Российской Федерации по программе Государственной поддержке молодых российских ученых-кандидатов наук (конкурс МК – 2010) за научное исследование «Этногенез в локальных сообществах: неoinституциональный анализ», Кубок «Достижение 2009» лучшему научному сотруднику ФГОУ ВПО ЮФУ в 2009 г., Диплом и медаль РАН для молодых ученых РАН, других учреждений, организаций России в области философии, социологии, психологии и права за лучшую научную работу 2008 г., а также Диплом II степени Открытого конкурса работ молодых ученых в области гуманитарных наук за работу

«Неоинституциональное содержание современного этногенеза» Международного гуманитарного общественного фонда «Знание» в 2008 г. и др.

Отдельные положения диссертационной работы были апробированы в докладах и сообщениях на более чем 20 международных конференциях и форумах: Central Eurasian Studies Society, Fifth Annual Conference, Inner Asian and Uralic National Resource Center (Bloomington, October 14 – 17, 2004); Международная научно-практическая конференция «Модернизация России: региональные особенности и перспективы» (Ростов-на-Дону, 21 – 22 апреля 2011 г.); Международная научная конференция «Мирный Кавказ как фактор развития региона» (Степанакерт, 4 ноября 2011 г.); Международная конференция Execution Time and Place (University of Tehran, Iran, 20 февраля 2011 г.); Международная научно-практическая конференция «Социальное партнерство в России: фактор инновационного развития и общенациональной солидарности» (Ростов-на-Дону, 19 – 20 апреля 2012 г.) и др.

Результаты диссертационного исследования также были апробированы в докладах и сообщениях на 25 всероссийских, межрегиональных и региональных конференциях, чтениях, круглых столах и семинарах: Всероссийская научно-практическая конференция «Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия» (Ростов-на-Дону, 22 – 23 декабря 1999 г.); Всероссийская научная конференция «Человек и этносы в трансформирующемся обществе: социальные девиации и пути их преодоления» (Ростов-на-Дону, 9 апреля 2004 г.); Всероссийская научная конференция «Политические институты в современном мире» (Санкт-Петербург, 10 – 11 декабря 2010 г.); Всероссийская научная конференция «Геополитическая миссия России в XXI веке и национальная идея» (Ростов-на-Дону, 17 – 18 марта 2011 г.) и др.

Концептуальные основы диссертационного исследования обсуждались на круглых столах, проводимых «Ассоциацией критической социологии» (Грузия) в Бакуриани и Тбилиси (CSN Caucasus Academic Project, Летняя сессия 2006 г., 24 июня – 4 июля; Зимняя сессия 2006 г., 6 – 15 января), симпозиумах и коллоквиумах, проводимых в апреле – июне 2007 г. в Вашингтоне Фондом Карнеги, Институтом Брукингса, Международным валютным фондом, Центром стратегических и международных исследований, Фондом исследования вопросов мира им. Сасакавы, Институтом Кенана и др.

Отдельные положения данной работы докладывались на сессиях Международной летней школы «Международные кризиса: от холодной войны к новому миропорядку», проведенной в Геленджике с 16 – 23 сентября 2007 г. Кубанским государственным университетом (Краснодар), Архивом национальной безопасности (Вашингтон) и Информационным бюро НАТО в России (Москва).

Некоторые положения диссертационного исследования использовались в процессах выработки рекомендаций при соисполнении:

1. Исследовательского проекта ИППК ЮФУ «Разработка и апробация программ переподготовки государственных служащих и сотрудников правоохранительных органов Юга России» по Федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» (2001 – 2005 гг.).

2. НИР СКНЦ ВШ ЮФУ «Адаптация народов Юга России к социальным трансформациям: методология исследования» (август – декабрь 2007 г.).

3. НИР ИППК ЮФУ «Развитие научных фундаментальных и прикладных исследований по проблеме целенаправленной самоорганизации и управления региональными социальными системами (Южный федеральный округ)» (август – декабрь 2008 г., ноябрь – декабрь

2010 г.) по программе «Развитие сети национальных университетов».

4. НИР ИППК ЮФУ «Гуманитарные технологии предупреждения рисков модернизации в полиэтничных регионах Юга России» по программе развития Федерального государственного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» по мероприятиям 2.1. «Создание инфраструктуры для интеграции научной, образовательной и инновационной деятельности» (апрель 2011 – июнь 2011 г.), программа «Развитие сети национальных университетов».

5. Государственный контракт Комитета по молодежной политике Администрации Ростовской области «Основы формирования региональной идентичности донского сообщества: ценности, нормы, традиции, способы традиционного и современного мышления и образы поведения (в том числе в молодежной среде)» (декабрь 2011 – май 2012 г.).

Большую пользу в разработке проблематики диссертационного исследования оказало соисполнение грантов РГНФ №12-33-01438 «Институциональные механизмы формирования гражданской политической идентичности в полиэтничном городе» (2012 г.), №07-03-00574а «Этнократии на Северном Кавказе: механизмы формирования и пути трансформации в региональную элиту» (2007 – 2008 гг.) и №03-03-00593а «Ксенофобия как вызов социальной безопасности на Юге России: разработка механизмов преодоления», а также РФФИ №04-06805 «Глобальные и социокультурные факторы конфликтогенности и стабильности на Юге России» (2004 г.).

Материалы диссертационного исследования использованы автором при НИР в рамках грантов №4N-03 Международной благотворительной организации ДДФ - Фаундейшн, грантов №1B2301 Института «Открытого Общества», Фонда Содействия и Британского Совета.

Особое значение для разработки положений диссертационного исследования имело участие в Российско-американском форуме экспертов

по гранту IREX №USREF-06-07-PDO8 и научная стажировка в Школе международных исследований университета им. Дж. Хопкинса в Вашингтоне (США) с 15 апреля по 29 июня 2007 г., а также участие в проекте «Развитие полевых исследований» Университета Беркли совместно с МИОН и Корпорацией Карнеги 8 – 23 ноября 2008 г.

Результаты диссертационного исследования представлены в более чем 46 публикациях, в том числе 5 монографий (в том числе на английском языке) и 14 статей в изданиях, которые входят в список ВАК, общим объемом 55,3 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих двенадцать параграфов, заключения, списка использованной литературы и приложений, включающих социологические таблицы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы диссертационного исследования, его актуальность, характеризуется существующая степень научной разработанности проблематики диссертации в отечественной и зарубежной социологической литературе, формулируются гипотеза, цель, задачи, объект и предмет исследования, уточняются методологические основы исследования, представляются элементы научной новизны и научные положения, выносимые на защиту, его теоретическая и практическая значимость, а также проведенная апробация исследования, указывается структура диссертационной работы.

В главе 1 «**Этногенез в локальных сообществах: теоретические, методологические и методические проблемы социологического исследования**» рассматриваются проблемы социологической концептуализации этногенеза в локальных сообществах, изучаются основные теоретико-методологические подходы и социально-

гуманитарные концепции, сформировавшиеся вокруг отдельных существенных аспектов изучения этногенеза и этничности в целом, концептуализируются основные методологические и методические проблемы, возникающие в ходе изучения этногенезисных процессов, и формулируется методологический конструкт социологического исследования социально-этнических процессов и этногенеза в локальных сообществах в виде неинституционального подхода.

В параграфе 1.1 «Этногенез в локальных сообществах как предмет социологического исследования» подробно анализируются основные социологические подходы российских и западных ученых, посвященные проблеме этногенеза в локальных сообществах.

По мнению диссертанта, существующие концепции этногенеза в социальных науках подразумевают методологические вариации на тему структурализма: в социальном мире возникают новые вызовы, решением которых для социума является этногенез.

Рассматривая различные примордиальные направления (генетическое, культурное, психологическое, географическое, инвароментальное), диссертант указывает, что примордиализм преувеличивает значение природного фактора в этногенезе и недооценивает факторы социальной и институциональной среды.

С конструктивистской точки зрения, именно социальное окружение создает ситуацию, в которой происходит этногенез. С этой позиции этногенез рассматривается как активный этноконструирующий процесс, который невозможен без определенного интеракционного контекста и без перманентных оценок хода протекания этого процесса со стороны этнолидеров и этноэлит.

Для конструирования этничности особое значение имеют «строительные блоки» (язык, культура, традиции и пр.), существующие в рамках этносociетального ландшафта, которые позволяют этнолидерам

потратить относительное незначительное количество ресурсов для создания новой этноидентификационной структуры.

Диссертант подчеркивает, что, с инструменталистской точки зрения, в этногенезе преобладает программно-целевая, или функционально-инструментальная, сущность, поскольку выбирая этноидентичность, индивиды преследуют определенные социальные, политические и экономические цели. Цели этноидентификации можно поменять, как только они будут достигнуты или когда у индивидов возникнет необходимость в новых целевых ориентирах.

В параграфе делается вывод, что три основных подхода изучают этногенез на разных стадиях развития. Преследуя определенную цель и подбирая или «фабрикуя» нужные идентификационные «кирпичики» – как в случае с инструментализмом – или же вначале конструируя этноидентичность и определяя для нее подходящую цель (как в описаниях конструктивизма), правящие элиты стремятся примордиализировать созданную этничность. Идеалом будет ее естественно выглядящий для внешнего наблюдателя характер, а историческая глубина и укорененность этноидентификации не должна ставиться под сомнение. Признавая важность существующих подходов в изучении этногенеза, диссертант указывает, что они не рассматривают институциональное измерение этногенезисных процессов.

В параграфе 1.2 «Этногенез в локальных сообществах: методологические и методические проблемы социологического исследования» анализируется существующий исследовательский методологический и методический опыт изучения этногенеза в локальных сообществах.

По мнению диссертанта, в условиях постмодернистской многомерности современного мира, отражающей экзистенциальные страхи и социально-психологическую неуверенность по поводу возможного места

и функционального значения этничности в безликой глобализации, современные социологические исследования этногенеза идеологизированы.

В социологических исследованиях выбор момента изучения этногенеза носит произвольный характер и обычно зависит как от биографических размышлений, отражающих специфические сложности и проблемы с этноидентичностью у самого исследователя, так и от наполненных идеологическими трактовками доминирующих методологических представлений в академической среде.

Социологическое изучение этногенеза в локальных сообществах требует, на взгляд диссертанта, учета всех накопленных этносоциологических знаний. Это подразумевает необходимость принятия во внимание, во-первых, определенных общеметодологических предпосылок, характерных для развития социологической науки в целом. Во-вторых, учет парадигмальных представлений конкретной исторической эпохи, в которой проводится исследование – в частности, положений социологического постмодернизма. И, в-третьих, использование в анализе этногенеза тагетированного методологического конструкта в соответствии с выбранным в качестве основы социологического исследования неинституциональным подходом.

В параграфе 1.3 «Методологический конструкт социологического исследования этногенеза в локальных сообществах» формулируется авторский теоретико-методологический конструкт социологического исследования этногенеза в локальных сообществах.

Диссертант подчеркивает, что социология этногенеза нуждается в новом методологическом инструменте, основой которого может послужить неинституциональный анализ и использование которого в этноинституциональных исследованиях можно концептуализировать в виде этноинституционализма. Этот подход «институциональный»,

поскольку основные градуалистские переменные включают в себя набор институциональных соглашений, которые используются этногруппами. Его преимущества как эвристической социологической концепции анализа состоят в абстрагировании от конкретно-ситуационной сложности и моделировании рамочных конструкций типичных социальных дилемм, связанных с многомерным институциональным воспроизводством этногрупп, где субъект воспроизводства является одновременно и его объектом.

Этноинституциональный теоретико-методологический конструкт понимается диссертантом как набор методологических инструментов и концептов, связанных с анализом процессов трансформации и структурирования этноинститутов.

С точки зрения диссертанта, в качестве базисной единицы анализа этноинституционализм рассматривает этноинституты в целом, которые направлены на разрешение социальных дилемм (в частности, стратегического безразличия широких слоев населения по отношению к любой форме инлокального участия, проблемы коллективных действий и экстерналий), в соответствии с которыми рациональное поведение каждого по отдельности приводит ко всеобщему нерациональному результату.

В рамках этноинституционализма этничность рассматривается диссертантом как набор этноправил, регулирующих доступ к диапазону социальных возможностей, структурирующих этносоциальные действия как результирующие многочисленных индивидуальных событий.

По мнению диссертанта, под «локальным сообществом» понимается сообщество в пределах определенной территории, формирующее так называемую «поселенческую», «категориальную» или «локальную» идентичности. В локальном сообществе социальная жизнь индивида проходит практически целиком в его пределах, поэтому большую часть этноидентификационных отношений можно обнаружить внутри него.

В параграфе делается вывод, что этногенез происходит в соответствии с принципами институционального изоморфизма, когда новые институты структурируются так, чтобы они соответствовали бихевиоральным стандартам у других этногрупп.

В главе 2 «Теоретическая модель институционального воспроизводства этногенеза в локальных сообществах» в центре исследовательского внимания находится социологический анализ институционального воспроизводства в локальных сообществах в рамках выбранного в диссертационном исследовании методологического этноинституционального конструкта.

В параграфе 2.1 «Структурные и конвенциональные основы институционального воспроизводства этногенеза в локальных сообществах» представлен социологический анализ социальной природы институционального воспроизводства этногенеза, его структурных основ как результата этносоциальной структурной трансформации, а также выделяются конвенциональные основы институционального воспроизводства, которые обеспечивают предсказуемость рутинных этносоциальных транзакций и социальных практик, которые предоставляют этносоциальным акторам информацию относительно социальных ожиданий и предпочтений других агентов.

Социологический анализ процессов институционального воспроизводства этногенеза в локальных сообществах предполагает необходимость изучения этноинститутов, которые в целом носят конвенциональный, повторяемый и предсказуемый характер.

По мысли диссертанта, конвенциональность как перцептивная и рутинизированная последовательность этноинститутов означает знание социальных агентов о том, что другие знают правила, знают о всеобщем знании правил, институциональные особенности потенциальных нарушений, а также о социальном неодобрении в случае нарушений.

Конвенциональность поддерживает рутинизированное репродуктивное этноинститутов. Она облегчает социализацию новых кандидатов, увеличивает нормативное сцепление и бихевиоральную, когнитивную и атрибуционную схожесть членов этногруппы.

Диссертант сравнивает институциональное пространство этносоциума с футбольным полем. Этноинституты разграничивают границы этого поля с помощью набора правил, после чего все остальные решения субъекты предпринимают сами. Этноинституты определяют выбор индивидов в зависимости от имеющейся информации и ресурсов, установленных правилами социальных транзакций, связанных с координацией, получением необходимой информации и/или избеганием отрицательных последствий.

Этноинституты предоставляют этносоциальным агентам контекстуальную информацию о предсказуемости, последовательности и эффективности отдельных коллективных и индивидуальных институциональных стратегий, как применяемых в прошлом, так и потенциальных в будущем. Отсутствие последовательности и предсказуемости институтов, т.е. четких и ясных правил того, как именно должна отдельная этногруппа реагировать на новые вызовы, приводит к этноинституциональным конфликтам, связанным с несогласием одной или нескольких взаимодействующих сторон с правилами игры, с критериями, по которым оценивается их идентичность.

Поскольку новые институты облегчают распределение социальных ресурсов между соответствующими социальными агентами, а трансформационные издержки в случае принятия новой нормы диссеминируются на все сообщество, то ситуационная структура побуждает индивидов к социальному творчеству путем «изобретения» девиантных институциональных практик.

Диссертант делает вывод, что этноинституты трансформируются, модифицируются, редактируются, транслируются и соединяются с другими нормами их носителей, которые диагностируют, интерпретируют и предлагают различные решения конкретных проблем, создавая новый смысл и значимые образцы этноповедения. Конструируя институциональные стандарты, в соответствии с которыми существующие институты сравниваются, оцениваются, подвергаются реаффирмации, этносоциальные субъекты интернализируют такие нормы как когнитивные репрезентации приемлемого поведения членов этногруппы.

В параграфе 2.2 «Институциональное воспроизводство этногенеза: социальное значение процессов этнодифференциации и этноинтеграции» рассматриваются социальные процессы этнодифференциации, этноконсолидации и этноинтеграции.

По мнению диссертанта, этноинтеграция основывается на стремлении этнообщности соотнести себя с другой этногруппой, близкой по определенным признакам. Этноинтеграция как процесс согласования не совпадающих между собой этноинститутов поддерживается теми, кто получает от нее выгоды и сдерживается проигрывающими от нее.

В процессах этноинтеграции нормативные образцы и формулы «идеальной этничности» других этногрупп взаимно усваиваются. Но доминирующая группа влияет на институты других этногрупп сильнее, чем испытывает ответное воздействие.

Институциональный характер этноинтеграции зависит от таких «стартовых» точек этногрупп, как уровень образования, степень владения титульным и/или нативным языком, а также наличие или отсутствие межэтнических конфликтов.

В России проекты этноинтеграции по созданию нации «россиян» продвигались либеральными учеными и политиками в 1990-е гг. Некоторые социологи пропагандировали использование терминов

«этнические россияне» или «этнороссияне»⁵⁹. Отдельные исследователи указывают на формирование этнообщности «глобальных русских», которые обладают внетерриториальным сознанием и слабой идентификационной привязкой к территории⁶⁰.

В южнороссийском социальном пространстве активно происходят этноинтеграционные процессы формирования новых межэтнокультурных и конфессионно-культурных общностей «российских южан» и «южнороссиян»⁶¹.

В параграфе делается вывод, что существующие этноинтеграционные проекты заканчиваются неудачами, в том числе по причине недостаточного принятия во внимание процессов этнодифференциации. Дифференциация подразумевает разделение общей системы на декомпозиционные категории. Когда этнодифференциация уменьшает гомогенность социума и внутрigrупповое сцепление, у отдельных субгрупп появляется больше возможностей по заимствованию и использованию норм, институтов и ценностей других этносов и культур.

В параграфе 2.3 «Институциональный распад: этнодифференцирующий фактор воспроизводства этногенеза в локальных сообществах» анализируются перманентные структурные процессы этнодифференциации в виде институционального распада и их роль в процессах воспроизводства этногенеза в социальной реальности локальных сообществ.

По мнению диссертанта, для определения нормы должен возникнуть общественный консенсус по поводу того, что не является нормой, в какой временной момент, в каких ситуациях и по какой причине она перестает

⁵⁹ Волков В. Защита прав этнических россиян в ближнем зарубежье // Этнополис. 1993. № 3.

⁶⁰ Пестолита Е. Global Russians // Приложение к газете «Коммерсантъ». № 21311 (4030). 2008. 24 нояб.

⁶¹ Викторин В.А. Региональная общность «южнороссияне»: миграционный взаимообмен и потенциал бесконфликтного существования (Астраханская область) // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество. Ч. II. Сборник тезисов выступлений Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д.; Горячий Ключ: Изд-во СКАГС, 2006. С. 102 - 105

действовать, и как список возможных «обходных» путей соблюдения нормы будет расширяться в дальнейшем.

В общественном сознании существуют нормативные образцы, воспринимаемые как желательные, приемлемые или одобряемые бихевиоральные стратегии, аффективные стандарты и когнитивные репрезентации этноповедения.

Этиосубъекты не обязательно нарушают привычные институты, хотя возможность увеличивается по мере сравнения, оценки, обсуждения и/или ознакомления с новыми этноинституциональными практиками в качестве замены прежних этноинститутов. Если институциональные исключения закрепляются в общественном дискурсе, то очевидным становится существование индивидов, которые сомневаются в привычных институтах и конструируют институциональные исключения.

Диссертант подчеркивает, что этничность представляет собой набор этноинститутов, которые отражают нормативные представления об идеальном поведении членов этногруппы. С точки зрения используемого этноинституционального подхода, этноинституты можно представить:

1) институты границ (кто входит в состав этнической группы, кто потенциально может войти, а кто совершенно точно должен быть исключен);

2) институты сферы деятельности («допустимые» и «недопустимые» сферы этнической деятельности, часто воплощаемые в виде этнической экономики);

3) процедурные институты (включая этнолингвоинституты, в особенности, коммуникационные правила использования того или иного языкового кода для общения между своими и между «своими» и «чужими». Этнолингворазличия являются источником реартикуляции, рерационализации и рекодификации бихевиоральных норм идеального этноповедения. Различия между этнолингваинститутами определяют

жесткость этнограниц, очерчиванию которых способствуют институциональные интерпретации, реинтерпретации и «языковые игры»);

4) информационные институты (правила информирования этносообщества о ключевых событиях и возможных когнитивных и эмоциональных реакциях на них).

Принятые в этнообщности дескриптивные и прескриптивные институты представляют собой механизм наследования с аккумулирующимися сложными бихевиоральными паттернами, которые с детства воспринимаются как жизненный код.

В трансформационной среде культурное и языковое давление других этносов усиливается, институциональные связи ослабевают, а идентификационные системы становятся хрупкими. Рост числа девиантных этноправил расширяет сферу нормативной допустимости и заставляет переоценить общепринятые традиции. Следствием роста числа девиантных этноправил и их взаимного усиления является развитие сначала ситуационной, а затем категориальной идентификационной девиантности. В поведении индивидов, а затем в их самосознании появляются дислокационные разрывы с доминирующими этноинститутами. Дефолтные правила объединяются в общественном сознании в этносубгрупповую девиантизированность.

Если общность в качестве бихевиоральной основы выбирает схожие институциональные исключения, в соответствии с которыми решаются вопросы членства, языка, распределения имеющихся ресурсов и т.п., то формируется этносубгруппа.

Институты прежней этничности не соблюдаются, когда лояльность к ним становится автономной, ситуационной, атомизированной и дискретной. Когда новые институты объясняются историческими причинами, то ссылки на институциональные исключения становятся не ситуационными или конвенциональными с точки зрения повседневного

удобства и рационализированного использования, а культурными и идентификационными. Это препятствует дальнейшей дедифференциации этносубгруппы, увеличивает сопротивление ее возможной ассимиляции и становится источником конфликтов с основной частью этноса.

Диссертант делает вывод, что этносообщество появляется, когда в реинтерпретации этнореальности возникает общественная договоренность по поводу институтов и неформализованных исключений. Этногенез завершается, когда институциональные различия между этногруппой и ее соседями в ожидаемом социализированном поведении становятся заметными для внешних наблюдателей, а новая этноидентичность кристаллизуется в социальных интеракциях в момент делегитимизации в общественном сознании связанных с ней институциональных исключений.

В главе 3 **«Институциональное воспроизводство этногенеза в локальных сообществах в России»** проводится анализ процессов институционального воспроизводства этногенеза в российских локальных сообществах, а также процессов институциональной трансмиссии этноидентичности в транзитивный период.

Параграф 3.1 «Институциональное воспроизводство этногенеза в модернизирующемся российском социуме» содержит в себе социологический анализ институционального воспроизводства этногенеза в модернизирующемся российском социуме в 1990-е гг.

По мнению диссертанта, с начала 1990-х гг. этногенезисные процессы актуализировались, что связано с инструментальным использованием этничности этноэлитами для получения социальных, политических и экономических благ. Используя лозунги продвижения титульных языков, традиций и культуры, элиты стремились получить расширенное по сравнению с неэтническими субъектами Российской Федерации финансирование программ из федерального бюджета, а академическая и интеллектуальная элита – федеральные и региональные

образовательные заказы на подготовку учебников, словарей, учебных пособий по титульным языкам.

Этногенез происходил в условиях структурного институционального конфликта между продвигаемой властями национальной идентичностью россиянина и этноидентичностями. На наличие конфликта указывают социологические данные регионального опроса⁶². Хотя относительное большинство (42,3%) респондентов Ростовской области на вопрос: «Кем Вы себя чувствуете в большей мере?» отвечают, что ощущают себя «скорее россиянами», 17,9% ощущают себя «скорее человеком своей национальности», а каждый четвертый (25%) ощущает себя примерно «в равной степени и тем, и другим», т.е. этноидентичность примерно четверти населения Ростовской области амбивалентна. 7,7% опрошенных составляют сообщество этномаргиналов и потенциальных этноинституциональных инноваторов, формирующих субэтногруппы: их не устраивает ни «российскость», ни собственная этничность. 7,1% затруднились с ответом. Их этноидентичность, вероятно, является неопределенной, либо идентичность для них безразлична (табл. 1).

Таблица 1

Кем Вы себя чувствуете в большей мере? (дайте только один ответ)

Варианты ответов	Распределение ответов, в %
Скорее человеком своей национальности	17,9
Скорее россиянином	42,3
И тем, и другим в равной мере	25
Ни тем, ни другим	7,7
Затрудняюсь ответить	7,1

⁶² Региональное социологическое исследование Центра системных и региональных исследований и прогнозирования НИПК ЮФУ и ЮРФИС РАН «20 лет реформ глазами жителей Ростовской области» (июль – август 2011 г., 1500 опрошенных, науч. рук. Ю.Г. Волков, исп. Сериков А.В., Барбашиян М.Ю., Барков Ф.А., Черноус В.В. и др.).

Собранные эмпирические социологические данные подтверждают существование структурного институционального конфликта между идентичностью россиянина и этноидентичностью, которые, несмотря на формально разные уровни социальной идентификации, фактически претендуют на одну и ту же идентификационную нишу.

По мнению диссертанта, институциональная слабость национальной идентичности является одной из причин формирования на окраинных территориях бывшего Советского Союза новых субэтнических общностей.

В параграфе делается вывод, что в трансграничных областях формируется институциональное пространство-«посредник», которое является «питательной средой» для формирования новых этноидентификаций периферийных групп, у которых нарушена институциональная преемственность с этноядром в результате миграции или длительного исторического проживания от этнокультурного центра.

В параграфе 3.2 «Этногенез в локальных российских сообществах: институциональное воспроизводство и трансмиссия этноидентичности» социологически анализируется институциональное воспроизводство этногенеза в локальных российских сообществах, а также исследуются вопросы трансмиссии этноидентичности.

Трансмиссия этноидентичности носит «имперфектный характер»⁶³ под давлением различных социальных, демографических, культурных и политических факторов, а также эрозии этноинститутов из-за индивидуальных особенностей применяющих их этносоциальных агентов.

Диссертант подчеркивает, что как этногенез, так и трансмиссия этноидентичностей в советское время зависели от социальной престижности той или иной системы этноидентификации (в частности, от привлекательности советской и русской идентичностей), демографических

⁶³ Zucker L.G. Where do institutional patterns come from? Organizations as actors in social systems // Institutional Patterns and Organizations: Culture and Environment, ed. by L. G. Zucker. Cambridge, MA: Ballinger, 1988. P. 23 - 49.

показателей количества молодых людей, получающих паспорта, в которых они могли отразить собственное понимание этничности, а также количества межэтнических браков.

Как только в транзитивный период привлекательность советской идентификации снизилась как для правящих элит, так и для большинства населения, как только началась десоветизация как в политической и экономической, так и этнической сферах, то активизировались «замороженные» в советское время административными и политическими методами этногенезисные процессы.

Этноидентификационное адгезионное якорение советскости и русскости стало одной из причин соединения десоветизации с дерусификацией. Этномаргинальные группы, которые чувствовали, что у них нет возможности реализовать себя в рамках социалистической системы, и что советскость больше не является своеобразной «охранной грамотой» от этнодискриминации, стали чувствительны к новым этноидентификационным возможностям. Возросло количество случаев смены этноидентичности и перехода из одной этноидентификационной системы в другие.

Диссертант считает, что в 1990-е гг. российским властям было не до политического контроля над этногенезисными процессами. Вопросы этногенеза были в целом неинтересны, если только этноидентичность не была связана с территориальными конфликтами, выступлениями недовольных этнодвижений и пр.

В параграфе делается вывод, что рост социальной значимости аскриптивных характеристик этносов (демографическая численность, протяженность территории проживания, историческая автохтонность и др.) в общественном сознании и общий подъем этносамосознания способствовали формированию этнодвижений у чеченцев, осетин, кабардинцев, балкарцев и др.

В параграфе 3.3 «Институциональный распад: этнодифференцирующий фактор воспроизводства этногенеза в локальных трансформирующихся российских сообществах» рассматриваются социальные процессы этнической дифференциации в российском этносоциальном пространстве и подчеркивается роль в них институционального распада.

На взгляд диссертанта, на институциональное воспроизводство этногенеза влияют дезинтеграционные процессы, происходящие в постсоветском пространстве, межэтнические столкновения, дискриминация отдельных этногрупп и т.д. Слабость институциональных механизмов, санкционирующих новые бихевиоральные паттерны в общественном дискурсе, стала одной из причин того, что с начала 1990-х гг. этноинтеграционные процессы в общероссийском этносоциальном пространстве уступили место этнической дифференциации.

Активизация процессов этнодифференциации в постсоветский период была вызвана структурными ошибками советской национальной политики: институциональной незавершенностью советской идентичности, «примитивизацией» этничности в научном дискурсе и общественном сознании, политизацией этносоциальных исследований, политическими и экономическими противоречиями между формальным равноправием этносов и фактической их иерархизированностью в виде титульных и нетитульных этносов, историческими и политическими просчетами руководства страны и неэффективностью административно-партийной системы управления национальными процессами.

В советское время сбалансированность между этноинтеграционными и этнодифференционными тенденциями отсутствовала. Государственные власти, административно и финансово поддерживая титульные этносы, меньше внимания уделяли субэтногруппам.

Диссертант делает вывод, что в условиях роста межэтнической напряженности в России с конца 1980-х гг. этногруппы начали размежевываться. Особенно активно процессы этнической дифференциации проявились в южнороссийском социальном пространстве.

В главе 4 «Этногенез в локальных сообществах на Юге России: социально-региональное измерение институционального воспроизводства» проводится социологический анализ этногенезисных процессов в традиционных локальных сообществах на Юге России, процессов институционального воспроизводства и трансмиссии этноидентичности в локальных южнороссийских сообществах в условиях переходных социальных трансформаций, незавершенности социальных процессов модернизации и постиндустриализации, а также активном политическом использовании этнодискриминационных ограничений для социального исключения отдельных этнических, диаспорных или мигрантских групп.

Параграф 4.1 «Институциональное воспроизводство этногенеза в традиционных локальных сообществах на Юге России» посвящен анализу институционального воспроизводства этногенеза в традиционных локальных сообществах на Юге России в условиях актуализации этничности и этнизации общественного сознания.

Диссертант подчеркивает, что институциональное воспроизводство этногенеза локальных сообществ происходит в условиях синкретизации южнороссийского институционального пространства: в регионах действуют институты как советского, так и постсоветского и даже досоветского периодов.

Современный этногенез является фактором, который во многом определяет социально-культурную и социально-политическую динамику, протекающую в полиэтничной региональной среде, а также проникает в

прежде внеэтнические и внеконфессиональные сферы общественной жизни.

Институциональная слабость российского государства в 1990-е гг., серьезные нормативные противоречия между федеральным и региональным законодательством, неразделенность административных полномочий в сфере национальной политики и т.д. привели к тому, что этнонормы, традиции и ценности стали доминировать в общественном региональном сознании.

В 1990-е гг. этногенез южнороссийских этносов проходил в условиях роста этнополитической конфликтогенности и межконфессиональной интолерантности, которые существенно маргинализовали региональное сознание и привели к росту социальной неуверенности, психологической неопределенности и аномии.

По мнению диссертанта, трансформировавшиеся в переходный период этноинституты получили конфликтогенный отпечаток, дихотомизируя «своих» и «чужих». Южнороссийские этноконфликты повлияли на этногенез даже тех этногрупп, которые не были их участниками. Например, на этногенез ингушского народа оказали влияние процессы территориального и административного структурирования Ингушетии как субъекта Российской Федерации, отделение ее от Чеченской республики и случившиеся первая и вторая Чеченские войны.

В параграфе делается вывод, что этноконфликтогенность провоцировала жителей Юга России к более четкой этноидентификации, чем в условиях мирного сосуществования этносов. Пограничные субэтногруппы маргинализовались. Они либо вынуждались к выбору единственной этноидентичности (например, в смешанных осетино-ингушских семьях в условиях этноконфликта вокруг Пригородного района), либо выезжали в центральные регионы России. Лишенные политического «прикрытия» со стороны региональных властей и в целом

находящиеся на позициях политического нейтралитета нетитульные этноменьшинства и русскоязычные субэтногруппы выдавливались этнорадикалами с обеих сторон силовыми методами, покидали территории привычного обитания, либо меняли этноидентификацию.

В параграфе 4.2 «Этногенез в локальных сообществах на Юге России в условиях транзитивных социальных трансформаций: институциональное воспроизводство и трансмиссия этноидентичности» речь идет о социологическом анализе процессов формирования этносов на Юге России и трансмиссии их этноидентичности в период социальной трансформации.

Рост количества гибридных этноидентичностей на Юге России связан с тем, что традиционные ценностные основы и стереотипы этноповедения в условиях социальных трансформаций и двойственности этнодискурсных практик меняются быстрее, чем в советском прошлом. Постсоветское ускорение трансмиссии этноидентичностей приводит к тому, что у этносоциальных агентов появилось больше возможностей выбора этноинститутов.

По мнению диссертанта, чем больше этничность объективизировалась в виде институциональных практик, признаваемых властями, этноэлитами, интеллигенцией или региональным социумом в целом, чем чаще легитимизировались в региональном сознании институциональные исключения, которые в советское время воспринимались как девиантные и маргинальные, тем проще были процессы трансмиссии этноидентичности в этносоциальном пространстве.

Рост социальных процессов трансмиссии этноидентичности был связан со снятием советских административных и политических запретов на использование этноязыка, свободное передвижение, социальное продвижение и т.п.

Отсутствие системной государственной политики по регулированию этносоциальных процессов привело к социальной хаотизации существующих и возникающих этносов, субэтносов, диаспор, сообществ мигрантов и т.д. При этом активизирующиеся процессы этнической дифференциации снизили институциональную устойчивость формирующихся этноинтеграционных проектов «кавказского суперэтноса», «адыгского суперэтноса» и пр.

Диссертант делает вывод, что дальнейшая радикализация этносоциального пространства приведет к формированию на Юге России новых этноконфессиональных идентичностей.

В параграфе 4.3 «Институциональный распад: этнодифференцирующий фактор воспроизводства этногенеза в локальных традиционных сообществах на Юге России» социологически проанализирован институциональный распад как основной этнодифференцирующий фактор воспроизводства этногенеза в локальных традиционных сообществах на Юге России и предложены социальные и этноинституциональные стратегии стабилизации этногенезисных процессов.

По мнению диссертанта, в южнороссийском этносоциальном пространстве процессы этнодифференциации доминируют над этноинтеграционными процессами, что проявляется в институциональной слабости региональных и надрегиональных идентификаций.

Возрастание социальной значимости процессов этнической дифференциации на Юге России проявляется в постсоветской активизации диаспорогенеза как формирования транслокальных сетей беженцев, мигрантов и вынужденных переселенцев. Особенно активно увеличивается число «не традиционных» для Юга России этносов, которые до начала 1990-х гг. фактически не были представлены в этносоциальном пространстве региона, или их численность была незначительной.

Чтобы снизить конфликтогенность общения мигрантов и принимающего населения, институциональные стратегии которых различаются, необходима государственная политика по развитию институционального и культурного плюрализма, который помогает вырабатывать толерантность и уважение к другим точкам зрения.

Нужно снять политические ограничения, мешающие продвижению институтов толерантности, полирелигиозности и поликультурности и предоставить этносообществам права, которые гарантируют им самоуправление и защиту от волюнтаристских решений элит. Это означает необходимость взаимного «политического разоружения». Этногруппы должны согласиться не проводить одностороннюю этноцентристскую политику, не подрывать ресурсную устойчивость других сторон и в спорных случаях прибегать к консультациям и переговорам.

Южнороссийские этногруппы должны активно изучать неродные для них языки в контексте развития мультикультурализма. Полилингвизм должен облегчать для этноменьшинств участие в общественной жизни. Иначе на Юге России будет и дальше происходить этнозамыкание локальных сообществ и снижение уровня владения русским языком не только как государственным, но и как языком межнационального общения.

Этногруппы, в бихевиоральных паттернах которых присутствуют институциональные исключения, активно развиваются из-за внутреннего «опыления» этнокультуры новыми этноинститутами. Если в бихевиоральных паттернах сообщества запрещены некоторые виды деятельности или формы культурного самовыражения, то развитие личностного потенциала входящих в этносообщество индивидов ограничивается.

В параграфе делается вывод, что регион нуждается в принятии целевых программ по поддержке культуры субэтногрупп Юга России,

предусматривающих стимулирование этнокультуры, сохранение, изучение и возрождение этнотрадиций.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются основные выводы и рекомендации, указываются не рассмотренные еще социологические аспекты проблемы институционального воспроизводства этногенеза.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

В изданиях Перечня ВАК Минобрнауки России

1. *Барбашин М.Ю.* Современные социологические подходы в изучении этничности // Социально-гуманитарные знания 2005. № 4. 1 п.л.
2. *Барбашин М.Ю.* Национализм как фактор и движущая сила в международных отношениях // Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. 0,6 п.л.
3. *Барбашин М.Ю.* Адаптация народов Юга России к процессам модернизации в эпоху постмодерна: проблемы методологии // Научная мысль Кавказа. 2008. № 1(5). 0,8 п.л.
4. *Барбашин М.Ю.* Социальная трансмиссия в контексте неонституционализма // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 8. 0,8 п.л.
5. *Барбашин М.Ю.* Столкновение традиционализма и постмодернизма в современных этнополитических процессах транзитивного общества // Социология и социальная антропология. 2008. Т. XI. № 2. 0,9 п.л.
6. *Барбашин М.Ю.* Неонституциональная концепция этничности в контексте основных направлений современной этнологии // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 12. 0,5 п.л.
7. *Барбашин М.Ю.* Институциональная адаптация народов на Юге России к социальным трансформациям: проблемы методологии // Научная мысль Кавказа. 2009. № 4(12). 0,8 п.л.
8. *Барбашин М.Ю.* Процедура демократия и социальная структура: неонституциональный анализ // Политика и общество. 2010. № 11. 0,7 п.л.
9. *Барбашин М.Ю.* Социологические исследования этногенеза: общие вопросы методологии // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 11. 0,4 п.л.
10. *Барбашин М.Ю.* Социальные процессы институционального распада в этногенезе // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 7. 0,4 п.л.

11. *Барбашин М.Ю.* Методологические и концептуальные возможности неинституционального подхода в современных этносоциальных исследованиях // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. №3. 0,6 п.л.
12. *Барбашин М.Ю.* Советская идентичность в этносоциальном пространстве: институциональные особенности // Теория и практика общественного развития. 2012. №7. 0,5 п.л.
13. *Барбашин М.Ю.* Этноинтеграция в современном мире: институциональные особенности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. №4. 0,5 п.л.
14. *Барбашин М.Ю.* Социальное значение процессов институционального распада для современного этногенеза // Теория и практика общественного развития. 2012. №8. 0,5 п.л.

Другие издания

Монографии

1. *Барбашин М.Ю.* Ксенофобия как вызов социальной безопасности на Юге России: разработка механизмов преодоления. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. 2,9 п.л. (в соавт.)
2. *Барбашин М.Ю.* Адаптация народов Юга России к социальным трансформациям: методология исследования. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. 1 п.л. (в соавт.)
3. *Barbashin M.U.* Informal Power Structures in Russia and Ethno-political Conflict in the Northern Caucasus // Ethno-nationalism, Islam and the State in the Caucasus: Post-Soviet Disorder / Ed. by Moshe Gammer. New York: Routledge, 2010. 1,5 п.л.
4. *Барбашин М.Ю.* Институциональная демократия и социальные дилеммы: опыт постсоветских трансформаций. Saarbrucken, Germany: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 7,8 п.л.
5. *Барбашин М.Ю.* Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. Ростов н/Д.: Изд-во Педагогического института ЮФУ. 2012. 17,7 п.л.

Статьи

1. *Барбашин М.Ю.* Кавказ и глобальный мир // Южнороссийское обозрение. 2001. № 5. 0,2 п.л.
2. *Барбашин М.Ю.* К понятию этнополитического конфликта // Южнороссийское обозрение. 2002. № 6. 0,2 п.л.
3. *Барбашин М.Ю.* Консерватизм этнических элит как условие перехода к постконфликтному развитию на Северном Кавказе // Южнороссийское обозрение. 2002. № 9. 0,3 п.л.

4. Барбащин М.Ю. Значение этнической принадлежности для реализации прав человека в деятельности правоохранительных органов на Северном Кавказе // Южнороссийское обозрение. 2002. № 12. 0,4 п.л.
5. Барбащин М.Ю. Экологическая безопасность и этнополитические конфликты // Южнороссийское обозрение. 2003. № 14. 0,5 п.л.
6. Барбащин М.Ю. Толерантность в молодежной среде // Проблемы профилактики девиантного поведения молодежи Ростовской области и Юга России: социокультурный аспект: Материалы региональной конференции / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д.: Изд-во ИППК РГУ, 2003. 0,4 п.л.
7. Барбащин М.Ю. Христианство и современные этноконфессиональные конфликты // Южнороссийское обозрение. 2003. № 16. 0,3 п.л.
8. Барбащин М.Ю. Теория этнополитического конфликта: общие вопросы методологии // Гуманитарный ежегодник. 2004. № 3. 0,5 п.л.
9. Барбащин М.Ю. Мифология «исторической справедливости» в этнополитических конфликтах как фактор легитимации этнических элит // Южнороссийское обозрение. 2004. № 24. 0,5 п.л.
10. Барбащин М.Ю. Теоретические аспекты трансформации культур (социологические подходы к транзитивности) // Южнороссийское обозрение. 2004. № 23. 1,2 п.л.
11. Барбащин М.Ю. Теории традиционализма: экономический и социологический подходы // Актуальные проблемы социологии современного российского общества. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. 1 п.л.
12. Барбащин М.Ю. Этническое пространство как предмет этнополитического конфликта // Южнороссийское обозрение. 2005. № 26. 0,8 п.л.
13. Барбащин М.Ю. Механизмы создания нового государства и позиционная структура этноконфликтов на Кавказе // Южнороссийское обозрение. 2005. № 29. 1,2 п.л.
14. Барбащин М.Ю. Позиционность и вопрос взаимоотношения федеральных и региональных элит // Москва – Южный федеральный округ: общие интересы и перспективы межрегионального сотрудничества: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Ростов н/Д.: Наука-Пресс, 2005. 0,8 п.л.
15. Барбащин М.Ю. Современные подходы к изучению этничности в американской социологической мысли // Гуманитарный ежегодник. 2005. № 4. 0,8 п.л.
16. Барбащин М.Ю. Теории этнической идентичности в англосаксонской социально-психологической мысли // Мир этноса: процессы самоорганизации социальных и этнических систем. Нальчик: КБНЦ РАН, 2005. 0,5 п.л. (в соавт.)

17. *Барбашин М.Ю.* Социология этнократии: общие вопросы методологии // Южнороссийское обозрение. 2006. № 37. 0,8 п.л.
18. *Барбашин М.Ю.* Основные теории национализма в западном политическом дискурсе // Гуманитарная мысль Юга России. 2006. № 3. 1 п.л.
19. *Barbashin M.* Ethnicity and Political Development Processes in Caucasus (Georgia) // Policy Brief, Russian – American Expert Forum. 2007. November. 0,3 п.л. (co-author).
20. *Барбашин М.Ю.* Этнократия как предмет исследования макроисторической социологии // Южнороссийское обозрение. 2007. № 47. 0,7 п.л. (в соавт.)
21. *Barbashin M.* Methodological Foundations of Ethnopolitical Conflict Studies // Peace and Conflict Review. 2008. Vol. 2. Issue 1. 1 п.л.
22. *Барбашин М.Ю.* Институциональная адаптация традиционных народов к социетальным трансформациям // Южный федеральный округ: динамика межэтнических отношений в меняющемся этнополитическом пространстве: Материалы научно-практической конференции. Ростов н/Д.; Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2009. 0,5 п.л.
23. *Барбашин М.Ю.* Процессы институциональной адаптации традиционных народов: методологические аспекты // Сборник научных трудов Международной научной конференции «Мирный Кавказ как фактор развития региона». Степанакерт: Изд-во Университета Месрон Маштоц, 2011. 0,9 п.л.
24. *Барбашин М.Ю.* Современный западный примордиализм: методологические проблемы в изучении этничности // Гуманитарный ежегодник. 2011. № 10. 0,6 п.л.
25. *Барбашин М.Ю.* Институциональное измерение этносоциальных и этноконфликтных процессов в Нагорном Карабахе // Южнороссийское обозрение. 2011. № 67. 0,6 п.л.
26. *Барбашин М.Ю.* Двадцать лет реформ в России глазами жителей Ростовской области // Россия реформирующаяся. Ежегодник 2011 / Отв. ред. академик РАН М.К. Горшков. Вып. 10. М.; СПб: Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011. 0,3 п.л. (в соавт.)
27. *Барбашин М.Ю.* Ростовская область: двадцать лет реформ глазами жителей // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. 0,3 п.л. (в соавт.)

Подписано в печать 6.08.12.

Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,2. Уч.-изд. л. 2,93. Тираж 100 экз. Заказ № 2449.

Отпечатано в типографии ЮФУ.

344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1. Тел. 247-80-51.

02